

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Павел МОЧАЛОВ

ТАНКИСТ МОРДОРА

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М86

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *О. Горбачика*

Мочалов, Павел.

М86 Танкист Мордора / Павел Мочалов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-97141-1

Тяжело в учении, легко в бою. Курсант советского танкового училища Сергей Попов узнал справедливость этой суворовской истины на собственной шкуре. Тем более что применять ему полученные на учебных стрельбах навыки пришлось в... Мордоре!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мочалов П., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-97141-1

— Попов Сергей Владимирович, одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения, русский, холостой, образование среднее. Все правильно? — Крупные руки врача разгладили лист бумаги, одиноко белевший на широком столе.

— Да, верно.

— Как вы, батенька? — Глаза за толстыми стеклами очков смотрели участливо. — Галлюцинации прекратились? Вы уже не эльфийский принц?

Волосатые пальцы доктора теперь вертели китайскую перьевую ручку, то и дело нацеливая ее на пациента. Не имея сил оторвать взгляд от ее перламутрового сверкания, Серега неопределенно дернул головой и выдавил:

— Нет. Не галлюцинации. Я уже сто раз говорил. И я не был принцем. Тем более — эльфийским.

— Не эльфийским, — добродушно согласился врач, — и не совсем принцем. Как там называлась ваша империя?

— Мордор, — буркнул Серега, — и это не империя.

— Не империя, — бодро подтвердил психиатр, — нет империи со странным названием, нет и нашего СССР, батенька. За новостями следите?

— Насколько это в вашем госпитале возможно, — попытался усмехнуться Серега, — а вы кто? Я вас раньше не видел.

— Не видели, и хорошо, — теперь уже доктор расплылся в улыбке, — и славно, что не видели. Это поможет нашему общению. Я о вас ничего не знаю, а вы обо мне. Я расскажу вам о себе, вы также о себе.

— Там в истории болезни все написано, — не подержал дружеского тона пациент.

— Написано, — согласился врач, — а все же прямое общение предпочтительнее. Я объясню ситуацию: я — новый начальник заведения, в котором вам уже порядком надоело. История болезни необычная, и поместили вас сюда те компетентные органы, которые сегодня уже совсем не компетентные. Такой каламбурчик.

Сергея от комментариев воздержался. Доктор наконец-то оставил в покое китайское пишущее чудо и снова сложил широкие ладони на листе бумаги.

— Так вот, батенька, под моими руками — заключение о том, что вы психически здоровы. На этом настаивает лечащий врач.

— Разобрался все-таки, — хмыкнул Сергей, — и пяти лет не прошло. А сразу непонятно было?

— Не слишком-то вы рады, — удивленно приподнял бровь психиатр. — Домой не хочется?

— Домой? — Сергей с трудом проглотил комок, подступивший к горлу. — Я не верю в это.

— И напрасно, совершенно напрасно, — всплеснул руками врач, — я же вам сказал — ситуация в стране совсем другая. Совершенно. Абсолютно. Ваш куратор оттуда, — доктор ткнул пальцем в потолок, — сейчас сам под следствием. Не из-за вас, конечно, но тем не менее. Мы пересматриваем дела всех пациентов, помещенных в наше, э-э, заведение, по линии славного и всем известного комитета. По вашей, мм, болезни практически все ясно, но прежде чем подписать заключение, я хотел бы пообщаться с вами лично.

Сергею вдруг не хватило воздуха, и он рванул рукой воротник казенной коричневой пижамы, завали-

ваясь со стула. Тянущая боль заполнила грудь, вытесняя из гаснущего сознания окружающий мир. Яркая, как солнце, лампочка потолочного плафона обожгла глаза, и Серега закрыл веки, проваливаясь в блаженную темноту.

1

— Поп! По-о-оп! Вставай, тормозила, там твоя очередь! — Слова пробивались в сознание глухо, как сквозь вату, и Серега Попов лишь промычал в ответ настойчивому зову что-то нечленораздельное и нецензурное, зарываясь носом в жесткую стриженую овчину грязно-серого воротника.

В жемчужном мерцании сна Ирина вновь шла через грохот дискотеки, слегка раскачиваясь на высоких каблуках и встряхивая волной черных волос. Шагала через весь зал прямо к нему, и горячая волна накатывала внутри, заставляя пылать уши и проваливаться в пятки желудок. Надо подняться и, не обращая внимания на десятки завистливых и насмешливых глаз, бьющих тяжелыми снарядами в затылок, сделать пару шагов навстречу. Оставить с носом дурашливого Олега из параллельного класса. Вот сейчас Ирина уже настолько близко, что он чувствует сладковатый аромат порозовевшей кожи в вырезе платья, видит шальные искорки в серых глазах. Осталось протянуть руку, но внезапно придурок Олега вклинивается между ними, отталкивая Попова плечом. Подхватывает Ирину за талию и, чуть не влезая носом в ухо, противно хохочет, тыча в Серегу пальцем:

— Старшина, этот тормоз не встает!

Ирина смеется в ответ, запрокидывая голову, и неожиданно начинает вытягиваться вверх, плечи ее разворачиваются в молодецкую сажень, волосы внезапно рыжеют, а платье сползает на пол, обнажая черный

комбинезон. И вот уже грозный старшина Макухин, бывший десантник, непонятно как поступивший в танковое училище, тянет пудовую ручищу к сжавшемуся в смертной тоске Сереге, хватает за шиворот и встряхивает, как котенка:

— Эй ты, клоун Попов, у меня всю следующую неделю из нарядов не вылезешь! А спать будешь в зимнем отпуске, только не дома, около мамкиной титьки, а в казарме! Заодно ее и побелишь!

Пробуждение было тягостным, как с похмелья. Только Серега спиртного в рот не брал со школьного выпускного. Спать же он хотел последние пять месяцев постоянно и в любых условиях, с того самого момента, как седой генерал на мандатной комиссии поздравил с зачислением в Краснознаменное училище, славное боевыми традициями. Традиции и в самом деле были славные и боевые, а потому ночи, когда курсант Попов высыпался, можно было пересчитать по пальцам. Вот и отключился Серега намертво, едва попав в класс танкодромной вышки, и вместо того, чтобы прилежно изучать «Курс вождения боевых машин», заново переживал школьный вечер 23 февраля 1985 года.

— Бегом на исходный рубеж, баржа волоокая, из-за тебя всему взводу оценку снизят! — Это уже замкомвзвода Петренко. Маленькие уши-пельмени прижаты к бритому черепу, губы кривятся, в глазах злобное презрение.

— Тормоз... — В спину, почти за дверью, и не разобрав кто, да и какая уже разница.

На улице солнце ударило по глазам, отражаясь от бесконечной снежной скатерти вокруг. Выхлопной чад сизым облаком стелился над танкодромом. Серые армейские валенки заскользили в снежной каше, измятой гусеницами в крупный рубчик. Скорчившийся на танковой башне инструктор повернул к Попову лицо

в сером шерстяном подшлемнике и выдохнул из обросшей инеем дырки для рта:

— Ээ-э, тормыз, да-а? Зализай, ээ.

— Да сами вы все тормоза, — пробормотал со злостью Серега, карабкаясь по забитому снегом лобовому листу к люку. Забрался, затолкал себя в узкое отверстие. Закрыв крышку. Перевел дыхание, огляделся в полумраке. Мороз и слепящий снег остались снаружи. В спину тянуло теплом, ровно светились, создавая уют, циферблаты приборного щитка. Билось, позванивая клапанами, танковое сердце, заставляя машину вибрировать, и казалось, что она сама рвется вперед, с недовольством дергая педаль стояночного тормоза.

Мышкой зашуршала в наушниках внутренняя связь:

— Ээ, курьсант, «Вышка» давай говори, ехат давно нада, да-а?

— Знаю, выключись.

— Знаишь и не делаишь, э-э. — Мышиное шуршание исчезло, сменяясь потрескиванием эфира.

— «Вышка», я — «Третий», к движению готов!

Сквозь треск рявкнул совсем близкий голос руководителя вождения полковника Иваницкого:

— Где бегаем, курсант?! Мне тут с вами до ночи сидеть!?

— Виноват... К движению готов.

В полковнике служебный долг уже одолел сварливого пожилого человека, которого с утра мучает остеохондроз и изжога, и потому в наушниках прозвучало почти спокойно:

— «Третий», я — «Вышка». Вперед!

Все, отцепились наконец-то. Рычаг переключения передач мягко щелкнул в вырезе кулисы. Теперь плавно отпускаем сцепление и добавляем газу. Танк вздрогнул, дернулся вперед. Двигатель заурчал, набирая обороты, и вдруг закашлялся, чихнул и заглох. Из-под шлемофона по виску сбежала струйка пота, и сейчас опять нач-

нется. Пожалуйста, обезьяна на башне уже надрывается, визжит так, что ушам больно:

— Эй, билин, урод, — и что-то на своем языке, — машина зачем глушил, а?! Я все знаишь, я все знаишь! А сам тормоз не снималь, да?! Вилазий, билин, бегом бегать будишь, тебе машина ездить нельзя совсем!

— Да сейчас заведу, не ори, маймун, — тоже сорвал-ся Серега, которого за утро совсем достали.

— Вай, кито маймун!? Ти, душара, сколько служиль, а?! Зачем дедушка маймун говоришь?! Я...

— Да пошел ты! — Серега выдернул шнур шлемофона из тангенты и, сняв машину с передачи, рванул кнопку стартера. Двигатель как будто ждал, завелся с пол-оборота, взревел торжествуя, выбрасывая струю сизого дыма и пятная черными крапинками отработанного масла снег. Торопясь уехать, Серега включил сразу вторую и бросил педаль сцепления. Солдат-инструктор, уже отцепившийся от связи, схвативший досельник пушки и стоявший на скользких наружных баках, от резкого рывка не удержал равновесия и кувыркком полетел с машины, исчезнув в снежном вихре около гусениц танка.

Курсант, маявшийся на смотровой площадке наблюдателем, почти завизжал:

— Товарищ полковник, Попов инструктора задавил!

Ответа не было. Иваницкий мучительно боролся с камнем, который моментально возник в груди и теперь стремительно расширялся, преградив путь воздуху. Застыл с открытым ртом командир взвода капитан Малина, сжимая побелевшими костяшками пальцев спинку стула. Танк удалялся от вышки, взвихренный снег оседал, позволяя увидеть скорченное темное тело. Полковник наконец дотянулся трясущейся рукой до термоса с остывшим чаем и, проливая кирпичного цвета жидкость, сделал несколько мучительных глотков. Грудь слегка отпустило, он смог просипеть Малине:

— Санинструктора... живо... туда... танк... остановить!

Бледный как полотно Малина рванулся к выходу, но тело в колее, еще секунду назад казавшееся абсолютно безжизненным, вдруг вскочило на ноги и попыталось догнать уходящий танк, потрясая зажатым в руке досылником. Попытка эта была заведомо обречена на провал, и, пробежав шагов десять, солдат остановился, продолжая размахивать руками и выкрикивать что-то уж совсем нецензурное.

— Живой! — радостно заорал снаружи наблюдатель, тоже зачем-то размахивая руками, как небольшая ветряная мельница.

— Идиоты, — просипел Иваницкий, кулем оседа на стуле, — я из-за вас до пенсии так и не доживу. Попову двойку за нарушение мер безопасности, понял, капитан? Пусть в отпуске здесь сидит. — Багровость постепенно сходила с лица полковника, открывая путь всему, что накопилось внутри за пару минут. — Куда этот безголовый клоун попер?! Остановить немедленно!

Уже порозовевший капитан Малина тщетно попытался вызвать таявший в ослепительной белизне танк.

— Брось, капитан, — окончательно пришел в себя Иваницкий, — за отключенный шлемофон я ему двойку еще и по связи выхлопочу. Бешеной собаке сто верст — не крюк, через десять минут примчится, тогда и получит свое. Построй-ка мне взвод, будем осуществлять воспитание через коллектив.

* * *

Яркая вспышка ослепила Серегу в тот момент, когда он уже в полной мере ощутил радость движения, разогнавшись по мягкой снежной трассе. Фиолетовое пламя полыхнуло в приборе наблюдения, заставив зажмуриться. Машина резко остановилась, и Серега полетел головой вперед.

По танку плыла звенящая тишина. Машина застыла почти вертикально, и Серега лежал на спине, как космонавт на старте, задрав ноги выше головы. Правая скула горела огнем; осторожно прикоснувшись к ней, Попов увидел на руке кровь.

— Что это было? — спросил он тишину. — Овраг?

Танк деликатно промолчал в ответ, лишь подмигивали сигнальные лампочки да журчала перетекающая по днищу в корму талая вода. В прибор наблюдения, теперь находившийся над головой, струился ярко-желтый свет, мало напоминающий о январской стуже. Кряхтя и ругаясь, в несколько приемов, Попов встал коленями на спинку сиденья. Края валенок упирались в подколенные сгибы, широкий ворот комбинезона зацепился за что-то, а ремень противогазной сумки вообще порвался, но Попов дотянулся до триплекса и посмотрел наружу.

Увидел он немного. Блеклое, словно выцветшее небо и кусок грязно-желтой скалы с чахлым деревом. С трудом отцепив воротник, Серега вторично и уже обстоятельно оглядел доступный сектор. Увы, перемены в пейзаже были минимальны — дерево все так же цеплялось за скалу, но на самой толстой из его веток теперь сидела черно-серая облезлая птица, похожая на ворону, сосредоточенно ковыряющая желтым клювом в остатках перьев. Попов потряс головой, скривился от боли в разбитой скуле, но картина меняться отказалась, разве что ворона закончила манипуляции с собственным телом и сорвалась куда-то вдаль.

— Что ж, — рассудительно сказал Сергей сам себе, — придется вылезать. А что делать?

Сказать оказалось легче, чем совершить, но Попов все же выкрутил и откинул тяжелую броневую крышку. Навстречу ворвался поток горячего воздуха, запрошив глаза пылью и заставив моментально вспотеть в ватном комбинезоне.

Протерев кое-как глаза, молодой человек выкарабкался из люка, уселся около торчащей в зенит пушки и огляделся. До самого горизонта расстилалась каменистая равнина, щедро присыпанная черным, желтым, синеватым, серым, красно-бурым и бог его знает каким еще щебнем и песком. Пейзаж разнообразили лишь выветренные скальные останцы из грязно-желтого песчаника. Кое-где к скалам лепились, словно специально изувеченные, лишенные листьев деревца. Ветер забавлялся раскручиванием небольших песчаных смерчей и пытался как можно быстрее засыпать танк, чужеродной громадой торчащий из широкой расселины.

Плотный снег, облепивший танковый корпус, на глазах превращался в грязные струйки воды, бесследно исчезающей в песке. Почти такие же струйки потекли по Серегиному лицу из-под мехового шлемофона: «Средняя Азия? Каракумы, что ли? Минуту назад я в Поволжье, а сейчас уже в Каракумах? Бред, не может так быть. Или? Секретный эксперимент? Р-раз! — и переместился на полторы тысячи километров, так? А почему вокруг никого?»

Попов повертел головой и снял шлемофон, пытаясь уловить шум лопастей поисковых вертолетов. Тщетно, и лишь свистел в скальных расщелинах ветер. «А вдруг не Каракумы? А если это какая-нибудь китайская Гоби? Или того хуже — афганская Дашти-Марго? Капитан Малина про нее примерно так и рассказывал». Сереге стало совсем тоскливо. Пытаясь подавить нарастающую панику, он излишне деловито избавился от теплой одежды, а затем, подумав, и от обмундирования, оставшись в одних кальсонах. Военный билет, покрутив в руках, засунул вместе с комсомольским билетом в противогазную сумку и прикопал у подножия ближней скалы. Чтобы не скакать по острому щебню босиком, соорудил себе из ненужных теперь валенок галоши, отрезав лишнее перочинным ножом. Голову пекло, и сле-

дующим делом стало сооружение пилотки из газеты «Красная звезда», которую Сереге, как агитатору взвода, всучил замполит батальона. Правда, все остальное содержимое командирской сумки можно было смело выбрасывать, разве что конспект по вождению танков сохранить. На растопку.

Деятельный труд помог обрести некоторое душевное равновесие. В конце концов, если это секретный эксперимент, о котором даже никого не предупредили, ученым в любом случае нужен результат, а значит, танк обязательно будут искать. Найдут танк — обнаружат и подопытное животное, курсанта Попова. Может быть, даже наградят — за мужество и выдержку. В зимний отпуск он не просто поедет, а поедет орденосцем. Завалится в распахнутой шинели на вечер встречи выпускников и в ответ на восхищенные ахи и вопросы будет загадочно улыбаться, туманно намекая на военную тайну и подписку о неразглашении, данную компетентным органам. Попов даже улыбнулся собственным мыслям. Вот! Вот когда Иринка поймет, кто ей по-настоящему нужен: герой-орденосец Сергей Попов или губошлепый противный Олежа, протирающий штаны в местном политехе.

Размечтавшись, Серега вдруг почувствовал чьи-то маленькие злобные глазки. Встряхнув головой и вновь вздрогнув от боли в разбитой скуле, он потерял чужой взгляд. Померещилось. Точно померещилось. Нарочито широко зевнул и потянулся, пытаясь вытолкнуть из живота поселившееся там мерзкое ощущение страха. Прием не сработал — на скале сидело что-то невообразимо лохматое, со злобным взглядом, который он почувствовал раньше. В руках существа было длинное темное древко, на конце которого торчал черно-синий зазубренный наконечник шириной в ладонь.

Попову неудержимо захотелось оказаться в танке, а еще лучше в родной казарме. Не спуская глаз с

лохматого аборигена, он попятился к машине и наткнулся спиной на что-то острое, упершееся ему между лопаток. От неожиданности он вскрикнул и отскочил вперед, одновременно оборачиваясь. Сзади стоял и щерился внушительными желтыми клыками еще один лохматик, обернутый в какое-то невообразимое тряпье с запахом застарелой мочи и давно не мытого тела. Помимо копья, он имел еще и привешенный к поясу широкий черный тесак без ножен. У Сереги из оружия был только танк, да и тот учебный, ну и перочинный нож, валявшийся все в том же танке, путь к которому преграждал дурно пахнущий абориген.

Пока курсант пытался прийти в себя, из-за ближайшего бугра появилось еще шестеро столь же грязно одетых, но вооруженных людей. Скользя в осыпающемся песке, они разбежались в стороны, взяв жертву в кольцо и выставив впереди себя копья. Попов оцепенел, не в силах сдвинуться в места, и лишь переводил взгляд с одной ухмыляющейся морды на другую.

Внезапно один из аборигенов сделал быстрый выпад, целясь жертве в пах. Серега взвизгнул и неловко отскочил. Собравшиеся довольно заржали, обнажая желтые, похожие на волчьи, клыки, а затем кто-то со спины кольнул курсанта в ягодицу. Серега вновь отскочил, разворачиваясь к обидчику, но лишь для того, чтобы получить еще один укол в другую ягодицу. Только развернулся, и снова чувствительный укол. По ноге в остатки валенка потекла кровь, и Попов с отчаянием понял — конец. Не будет ни ордена, ни отпуска. Ничего не будет. Предстоит медленная и мучительная смерть. Слезы потекли сами, смешиваясь с потом. Размазывая грязь по щекам, он обессиленно опустился на песок, пряча голову в колени.

Аборигены возмущенно загомонили, напоминая стаю ворон, у которых наглый воробей стащил хлебную корку. Кто-то огрел Серегу по спине древком ко-